

Элизабет Вернер

Цветок счастья

Элизабет Вернер

Цветок счастья

«Public Domain»

1885

Вернер Э.

Цветок счастья / Э. Вернер — «Public Domain», 1885

«Молодой человек, только что прочитавший это стихотворение, опустил лист бумаги на колени и заявил с комической торжественностью:— Итак, господа, теперь вам известно, где нужно искать свое счастье. Среди тысячи цветов необходимо найти именно тот, о котором говорится в только что прочитанных строках. Что касается меня, то я пушусь на его поиски сейчас же, как только этот прекрасный май перестанет поливать нас осенним дождем и пронизывать холодным ветром...»

Содержание

1	5
2	14
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эльза Вернер

Цветок счастья

1

Под песни метели, под грохот потока
Над бездной клубящихся вод
На скалах угрюмых высоко-высоко
Цветок одинокий цветет.
К нему нет дороги, и лишь вечерами
На гребне угрюмой скалы
Терзают добычу и машут крылами,
И клекчут сердито орлы.
Волшебную силу цветок сохраняет.
Тому, кто его оборвет,
Он счастья ключи золотые вручает
И горе в замену берет.
Но скалы чернеют угрюмо и строго,
Но мечется злобный поток...
Лишь смелым над пропастью ляжет дорога,
Лишь им улыбнется цветок-недотрога,
Волшебный, стыдливый цветок.

Молодой человек, только что прочитавший это стихотворение, опустил лист бумаги на колени и заявил с комической торжественностью:

– Итак, господа, теперь вам известно, где нужно искать свое счастье. Среди тысячи цветов необходимо найти именно тот, о котором говорится в только что прочитанных строках. Что касается меня, то я пушусь на его поиски сейчас же, как только этот прекрасный май перестанет поливать нас осенним дождем и пронизывать холодным ветром.

Действительно, несмотря на конец мая, погода стояла ненастная, что, впрочем, часто бывает в горах. Крупные капли дождя непрерывно барабанили в стекла окон, а низко нависшие тучи покрывали горы и лишь изредка позволяли видеть их смутные очертания. Однако чем неприветливее была погода, тем уютнее казалась гостиная на роскошной вилле, находившейся в самом живописном месте горной долины. Со вкусом обставленная комната, украшенная коврами, картинами, альбомами и разными безделушками, производила особенно приятное впечатление. По всей обстановке этой гостиной можно было заключить, что владельцы виллы – очень богатые люди.

Несмотря на весну в камине, вокруг которого разместилось небольшое общество, пылал яркий огонь. В широком, глубоком кресле полулежала молодая женщина с очень тонкой, хрупкой фигурой. На ее прекрасном лице, бледном до прозрачности, ясно выражалось страдание, какое бывает у больных, измученных долгой, тяжелой болезнью. Темные волосы слегка вились на висках и спускались вниз двумя толстыми, блестящими косами, которые были свернуты на затылке в виде большого жгута. В повороте головы, во всех движениях бледной молодой женщины, в ее утомленной позе чувствовался полнейший упадок сил. Грустно и устало смотрели ее большие глаза, обрамленные длинными черными ресницами. Несмотря на болезненный вид, молодая женщина поражала своей какой-то особенной, чарующей прелестью. Она,

несомненно, произвела сильное впечатление на молодого человека с длинными каштановыми волосами, стоявшего рядом с креслом больной красавицы и не спускавшего с нее восхищенного взгляда.

У противоположной стороны камина сидел пожилой господин с представительным видом чиновника, занимающего высокий пост. Он внимательно читал газету, по временам с чувством удовлетворения поглядывая на своего сына, только что прочитавшего стихотворение, и на его юную соседку с очаровательным детским личиком и ямочками на щеках, которая улыбаясь, смотрела на листочек исписанной бумаги.

– Это – твое собственное произведение, Генри? – спросила она.

– О, нет, нет, – поспешно ответил Генрих, – я только перевел на удобопонятный язык то народное поверье, которое распространено в этой местности. Мне его сообщил старый Амвросий на своеобразном горном наречии, а я перевел его, чтобы прочитать вам, госпожа Рефельд, и тебе. Что касается поэзии, то я покончил с ней навсегда, с тех пор, как Гвидо подверг беспощадной критике мое первое стихотворение, попавшееся ему на глаза.

– Вот как! А я и понятия не имела, что Генрих Кронек пишет стихи! – с легкой насмешкой заметила больная.

– Только один раз я совершил такое преступление, и наказание последовало сейчас же вслед за действием. Гвидо, на суд которого я представил свое несчастное произведение, так строго осудил его, что я немедленно же собственноручно сжег свое детище.

– И с тех пор Генри совершенно исцелился от своего недуга, – улыбаясь, проговорил Гвидо, не отходя от кресла госпожи Рефельд. – Сердись – не сердись, милый Генрих, но между друзьями должна быть полная искренность. Ты прекраснейший товарищ, незаменимый собеседник, обладаешь всевозможными качествами, но поэзия тебе не дается. Как ни старайся, у тебя не выйдет ничего, так как у тебя, к сожалению, нет ни малейшего таланта. Это говорю тебе я, Гвидо Гельмар!

– Знаменитый поэт! – в тон Гельмару насмешливо закончил Генрих. – Как видишь, я покорно склонил свою голову перед твоим авторитетным заявлением и с поэзией покончил навсегда. Ну, а как ты думаешь, Кетти, не отправиться ли нам вдвоем – тебе и мне – на поиски цветка счастья? Приключений у нас в пути будет немало, так как придется взбираться ввысь, к самому небу, но я буду твоим защитником, рыцарем без страха и упрека.

– О, я с удовольствием пойду за счастьем хоть на край света! – весело воскликнула молодая девушка.

– Не понимаю, Генрих, какого счастья тебе еще нужно? – вмешался в разговор Гельмар. – У тебя есть завидная способность всегда чувствовать себя довольным. Ты весело скользишь по поверхности жизни, никогда не заглядывая в ее глубину. Далеко не все обладают таким даром.

– Ты очень любезен, Гвидо, благодарю за лестное мнение о моем легкомыслии, – сухо заметил Генрих и, подойдя к госпоже Рефельд, передал ей написанное стихотворение.

Оба товарища были приблизительно одного возраста, но по внешности резко отличались друг от друга. У Гвидо Гельмара был вид настоящего поэта. Его лицо с тонкими, правильными чертами носило печать гражданской скорби; темные глаза были мечтательно устремлены вверх, а длинные вьющиеся волосы живописно падали на плечи. Гельмар был небольшого роста, что приводило его в отчаяние и заставляло принимать разные пластические позы, чтобы как-нибудь поднять свою незаметную фигурку. В настоящий момент Гвидо опирался одной рукой на спинку кресла, в котором полулежала Рефельд, а в другой вертел цветок, взятый из вазы.

Генрих Кронек был, наоборот, высок и строен. Он на целую голову перерос своего приятеля. Его живые, веселые глаза сверкали отвагой и юмором. Каштановые волосы иногда падали на его открытый, высокий лоб, и он быстрым движением головы откидывал их назад и проводил левой рукой по лбу. Правая рука молодого человека была перевязана черной повязкой, так

как была ранена, но, очевидно, не доставляла особенно сильного страдания Генриху, потому что его лицо поражало здоровьем и свежестью.

– Меня удивляет, как быстро Генри усвоил местное наречие, – задумчиво сказала Кетти. – Всего две недели как он здесь, а все понимает и сам говорит. Мы с мамой прожили тут в прошлом году несколько месяцев и до сих пор не в состоянии объясняться со здешними жителями.

– Потому что вам не приходилось иметь с ними дела. Вы привозите из города всю прислугу и почти никогда не говорите с местными уроженцами. А я подружился со стариком Амвросием, благодаря чему все здешние крестьяне смотрят на меня, как на равного, и принимают с распростертыми объятиями.

– Ну, на твоём месте я избегал бы подобного знакомства, – вмешался в разговор пожилой господин, складывая газету. – Я вообще не понимаю, как может тебе доставлять удовольствие беседа с таким невежественным мужиком, как этот Амвросий? Для того чтобы повидаться с ним, ты взбираешься на горы со своей раненой рукой! Неужели тебе хочется, чтобы опять случилось какое-нибудь несчастье? Ещё не успела зажить рука после падения при бешеной скачке на лошади, а ты опять готов сломать её.

– Вы совершенно правы, генерал! Да, вследствие «бешеной скачки» с Генри и случаются несчастья! – многозначительно подтвердил Гельмар, бросая насмешливый взгляд на забинтованную руку приятеля.

– Не брани Амвросия, папа, – недовольным тоном заметил Генрих. – Тебе непременно нужно познакомиться с ним; это такой оригинальный тип, какого можно встретить только в этих диких краях, среди высоких гор.

– Оставь меня в покое со своими «оригинальными типами», – проворчал сановник. – Третьего дня мне уже пришлось познакомиться с подобным «оригинальным типом», и я настолько удовлетворён им, что не желаю больше никаких местных знакомств.

– Вы знаете, Эвелина, – обратился он к госпоже Рефельд, – я был у доктора Эбергарда, который поселился невдалеке от вас. Я слышал о нём в столице, как о крупной величине в медицинском мире, и хотел воспользоваться его соседством для того, чтобы он посетил вас и высказал свое мнение относительно вашей болезни. Однако он принял меня так, что мне не удалось даже произнести ваше имя. Он набросился на меня, как полоумный, и начал кричать, чтобы его оставили в покое. «Я уже давно отказался от практики, – заявил он, – и послал к черту всех больных. Имею же и я право когда-нибудь отдохнуть! Обратитесь к местному врачу, а у меня нет ни времени, ни желания ходить к вашим больным!» Продолжая осыпать меня подобными любезностями, он захлопнул дверь перед моим носом. Можете себе представить, в каком я был восторге от этого знакомства!

Гнев старого Кронека был так комичен, что все засмеялись; даже больная не могла удержаться от улыбки.

– Я уже слышала о докторе Эбергарде и о его странных привычках, – тихо проговорила она. – Он – совершенный чудака.

– Из самой неприятной категории чудаков, – подтвердил генерал. – Может быть спокоен, я не подойду больше к нему даже на расстояние пушечного выстрела.

– Ах, дядя, но представьте себе, что это чудовище может помочь моей мамочке, – воскликнула Кетти. – Если вам не удалось уговорить его, то я сама отправлюсь к этому доктору Эбергарду и не отстану от него до тех пор, пока он не даст обещания прийти к нам.

С последними словами молодая девушка подошла к Эвелине и обвила руками её шею. Странно было видеть в этих двух женщинах мать и дочь, так как разница в их возрасте была слишком незначительна. Эвелине можно было дать по виду не более двадцати трех лет, а её падчерице недавно исполнилось шестнадцать.

– Нет, дитя мое, не делай этого, – возразила больная, ласково поглаживая рукой вьющиеся волосы Кетти, – ты будешь так же грубо принята доктором, как и твой дядя. Да и к чему мне этот Эбергард? Мне никто не в состоянии помочь!

– О, мама, не говори так! – с нежным упреком воскликнула девушка, опускаясь на колени перед мачехой.

– Разве вы чувствуете себя хуже? – мягким, мелодичным голосом спросил Гвидо Гельмар, склоняясь над больной. – Я боюсь, что вы слишком рано покинули юг. Май почти всегда бывает холоден и ненастен в горах, а такой нежный организм как ваш требует много тепла и солнечного света.

– Кому не нужен солнечный свет! – с легкой грустью заметила Эвелина, – но жизнь не всегда дает людям то, что им нужно и что составило бы их счастье!

– Конечно! – меланхолично подтвердил Гвидо. – Что такое жизнь вообще? Одно страдание! А счастье – лишь красивая мечта! – мрачно прибавил он, впиваясь страстным взглядом в лицо госпожи Рефельд.

– Жаль, что я не художник, – иронически воскликнул Генрих. – Можно было бы нарисовать очень трогательную группу. Кетти у ног больной и Гвидо, изрекающий такие горькие истины, так и просятся на полотно.

Гельмар сердито сдвинул брови, а в глазах Эвелины промелькнуло недовольство.

– По-видимому, все то, что трогает других, вам кажется лишь смешным, Генрих? – сухо заметила она.

– Нисколько! Стихи Гвидо, например, очень трогательны, но я не позволю себе назвать их смешными!

– Пожалуйста, не стесняйся, – со снисходительной улыбкой пожав плечами, проговорил Гельмар. – Я знаю, милый Генри, что иногда у тебя появляется желание изображать из себя критика, и тогда ты с особенным удовольствием принимаешься разбирать мои произведения, не считаясь с тем, что когда-то детьми мы играли вместе, а потом были товарищами по университету.

– Неужели ты не находишь стихи господина Гельмара прекрасными? – с наивным удивлением спросила Кетти.

– Нет, они очень красивы, но у меня органическое отвращение к «нежно поблекшим розам», к «умирающим в блаженных звуках соловьям», к погибающим в воде «белым лебедям, опускающимся на дно озера со смертельной раной в груди», и так далее. Гвидо больше всего любит такие мрачные мотивы; это его специальность.

Гельмар закусил губу. Откровенность, которую он только что ставил непременным условием дружбы, на этот раз, по-видимому, была ему неприятна. Однако его самолюбие было удовлетворено, когда все присутствующие возмущились словами Генриха.

– Ты заходишь слишком далеко, Генрих! – недовольным тоном заметил Кронек. Это возмутительно! – проворчала Кетти, надувая губки.

Эвелина недовольным взглядом окинула Генриха и тихо произнесла:

– Мы все знаем, что вы – безбожный насмешник, Генрих, но я думала, что талант вашего друга не может быть для вас предметом издевательства!

– Господи, какая буря поднялась из-за моего откровенного мнения, – смеясь, воскликнул Генрих. – Весь свет преклоняется перед признанным поэтом и прокликает дерзкого, осмелившегося сказать слово против него. Униженно прошу прощения и обещаю, что больше этого не будет.

Однако молодому человеку не удалось превратить все дело в шутку. Гельмар был, по-видимому, серьезно оскорблен, и все общество чувствовало себя в каком-то неловком положении. К счастью, как раз в эту минуту дверь из столовой открылась, и вошедший лакей доложил, что кушать подано. Все облегченно вздохнули и поднялись со своих мест. Гвидо поспешил

предложить руку хозяйке дома; казалось, что он считал это своим неотъемлемым правом. Да и действительно, едва ли кто-нибудь другой мог бы вести ее более заботливо и нежно, чем это делал он. Кетти, с непринужденностью близкой родственницы, повисла на руке Генриха, а старик Кронек шел позади всех, бросая недовольный взгляд на сына, который своей несдержанностью несколько раз ставил себя в неловкое положение. Кронек уже две недели гостил на вилле Рефельдов, и в течение этого времени горячий молодой человек доставил отцу немало неприятностей.

Тайный советник Кронек приходился покойному Рефельду двоюродным братом. Хотя родственники жили в разных городах и встречались сравнительно редко, они поддерживали отношения постоянной деятельной перепиской. Кронек поступил на государственную службу и, пока медленно продвигался со ступеньки на ступеньку, его двоюродный брат нажил большое состояние коммерческими делами и последние годы своей жизни жил исключительно на проценты со своего капитала.

Он женился уже в зрелые годы и прожил с женой десять лет. Затем она умерла, оставив мужу девятилетнюю дочь. Для воспитания осиротелой Кетти Рефельд пригласил в дом молодую девушку, дальнюю родственницу жены, а через год Эвелина стала женой и полновластной хозяйкой Рефельда и его дома. С любовью Кетти, привязавшейся к ней с первого же дня, Эвелина приобрела и расположение отца, так что тот не задумываясь, предложил ей руку и сердце. Восемнадцатилетняя девушка, конечно, была малоподходящей женой для человека, убеленного сединами, поэтому Эвелина не сразу согласилась на предложение Рефельда. Однако любовь и жалость к маленькой сиротке одержали верх над всеми другими соображениями и, в конце концов, заставили ее принять предложение старика.

Этот брак длился недолго. Через три года Эвелина овдовела, пробыв в течение последнего года в полном смысле слова сиделкой у своего мужа. Слабый организм молодой женщины не вынес долгих бессонных ночей – у нее началась и стала быстро развиваться болезнь легких. Зимой Эвелина проводила обычно на юге, но особенного улучшения в ее здоровье не замечалось. Теперь она вернулась прямо из Италии, где прожила со своей падчерицей несколько месяцев, и чувствовала себя хуже, чем когда бы то ни было.

Приезд тайного советника вместе с сыном объяснялся не только желанием навестить больную родственницу, но имел и другую цель. Покойный Рефельд страстно желал, чтобы его дочь вышла замуж за своего кузена Кронекка. Отец Генриха вполне разделял это желание двоюродного брата и привез сына для того, чтобы тот познакомился с молоденькой кузиной и произвел на нее хорошее впечатление. Генрих и Кетти быстро подружились. Они целый день болтали и смеялись, шутя, ссорились и мирились. Трудно было бы найти более подходящую парочку!

Обед окончился; Генрих стоял у окна своей комнаты, находившейся на втором этаже виллы. Хотя туман был настолько силен, что сквозь него ничего нельзя было рассмотреть, молодой человек не отрывал взора от стекол окна, продолжая стоять спиной к отцу, который читал ему длиннейшую нотацию.

– Ни учение, ни служба, ни хорошие примеры, ни наставления не могли исправить тебя, – говорил разгневанный родитель. Легкомыслие у тебя как будто в крови, я ничего не могу с тобой поделать. Весь свет вправе думать, что мое воспитание сделало из тебя ни к чему непригодного человека, а этого я не могу перенести. В последний раз говорю тебе, Генрих, что моему терпению наступил конец!

Старик остановился, чтобы перевести дыхание, и в комнате воцарилась тягостная тишина.

– В сущности, ты совершенно прав, папа, – неожиданно раздался голос Генриха, повернувшегося к отцу лицом.

– Ах, так ты сознаешься в этом? – несколько удивленно проговорил тайный советник, не ожидавший, что сын так быстро согласится с ним. – В таком случае скажи мне, пожалуйста, что с тобой будет?

– Господь знает! – спокойно ответил Генрих. – Во всяком случае, из меня никогда не выйдет такого образцового тайного советника, какой стоит сейчас передо мной. К этому у меня, к сожалению, нет никакого призвания.

– То есть, вернее, желания. Ты работаешь только из-под палки; отсидишь назначенные часы в министерстве, а затем забываешь, и думать о службе. Так никто не делает карьеры. Ты занимаешь самое маленькое место в министерстве, получаешь ничтожное жалованье, которого тебе не хватает даже на карманные расходы, не стараешься продвинуться выше. Ты знаешь, что у меня тоже нет никакого состояния. Что бы ты делал, если бы мне и покойному Рефельду не пришла в голову счастливая мысль женить тебя на Кетти?

– Делал бы то, что делают многие другие, а именно собственными силами проложил бы себе дорогу!

– Ты собственными силами проложил бы себе дорогу? – с оскорбительным удивлением повторил отец. – Нет, мой милый, ты не из тех людей, которые могут пробиться без посторонней помощи. Благодарю Бога, что у тебя есть отец, который вовремя позаботился о твоём будущем. Все свои надежды я возлагаю на этот брак. Может быть, Кетти и удастся сделать из тебя благоразумного человека, так как ты любишь ее и она, по-видимому, отвечает тебе взаимностью.

– Во всяком случае, мы – большие приятели! – небрежно заметил Генрих. – Только оставим этот разговор о браке, папа. До будущего года ты обещал предоставить мне полную свободу и не говорить со мной о женитьбе, а теперь снова надоедаешь мне со своей невестой, помолвкой...

– Что за выражения! – прервал сына Кронек, в отчаянии поднимая руки. – Что подумала бы Эвелина, если бы услышала это. Когда мы приехали сюда, она сказала мне следующее: «Мое единственное желание еще увидеть перед смертью дорогую Кетти в сильных, надежных руках человека, который может быть для нее защитой на всю жизнь».

– Нечего сказать, хороший она нашла «оплот» для своей дочери в моем лице! – смеясь, заметил Генрих.

Терпение тайного советника, наконец, лопнуло.

– Да неужели ты не можешь ни на минуту быть серьезным? – сердито воскликнул он. – Трогательная материнская забота вызывает лишь смех с твоей стороны.

– Папа, я не понимаю, почему ты сердисься? Я ведь повторяю твои же слова. Ты каждый день называешь меня никуда не годным человеком, бездельником; как же можно отдавать в руки такого человека всю жизнь, все будущее молодой девушки?

Тайный советник глубоко вздохнул и воскликнул:

– Бог знает, как мне тяжело будет отвечать на том свете перед моим покойным братом и Эвелиной за то, что судьбу их дочери я отдал в такие ненадежные руки!

Лицо молодого человека слегка вспыхнуло, и он несколько раздраженным тоном ответил:

– Ты говоришь обо мне так, точно я – тот блудный сын, о котором упоминается в Библии. В чем, в сущности, заключаются мои преступления? Несколько бессонных ночей, несколько совершенных глупостей, свойственных молодости, и, наконец, небольшие долги, в которых я покаяться и просил у тебя прощения. Вот и все мои преступления.

– Неужели этого мало? – с ужасом воскликнул Кронек. – Ты так говоришь об этом, точно это пустяки. Предсказываю тебе, Генрих, что ты окончательно погибнешь. Ты на пути к этому, и даже сам Гельмар...

– Гвидо? – быстро прервал отца молодой человек, и его голос задрожал от негодования. – Значит, он разделяет твое лестное мнение обо мне?

– Нет, наоборот, он на твоей стороне и со свойственной ему любезностью извиняет твои недостатки; а ты ему платишь за такое отношение самой черной неблагодарностью. Ты насмеяешься над ним и его поэзией. Неужели ты не понимаешь, что Генрих Кронек – полное ничтожество в сравнении с ним. Гельмар – признанный всеми поэт. Ты должен гордиться дружбой с ним. Он оказывает тебе большую честь, достаивая своим расположением.

– Его расположение ко мне так велико, что он даже считал нужным сопровождать меня сюда, – с презрительной улыбкой ответил Генрих. – Услышав, что мы собираемся ехать к Рефельдам, он тоже возымел желание отправиться в горы. Затем он без моего приглашения приехал навестить меня и принял предложение Эвелины погостить на ее вилле. Теперь он даже и не заикается об отъезде. Между ним и хозяйкой дома вдруг обнаружилось «родство душ». Они обмениваются мечтательными взглядами, вместе вздыхают над осыпавшимися розами и умершими соловьями. Госпожа Рефельд таит перед романтическим ухаживанием поэта, который не отходит от дамы своего сердца. Эта вечная сентиментальность, вздохи и нежные взоры меня крайне раздражают.

Тайный советник с удивлением смотрел на сына, щеки которого пылали ярким румянцем. Молодой человек так разгорячился, что даже топнул ногой от злости.

– Если это даже и так, то тебе-то какое дело? – спросил старик.

– Да, конечно, мне-то какое дело! – подтвердил Генрих и, закусив губу, подошел к окну.

– Я понимаю, что тебя могло бы рассердить поведение Гвидо, если бы он так открыто ухаживал за Кетти, – продолжал отец, – но какое тебе дело до Эвелины? Если ей, действительно, нравится Гельмар, то можно только порадоваться за нее. Это последний солнечный луч в страдальческой жизни больной. Ты ведь прекрасно знаешь, что дни бедняжки сочтены. Нежное ухаживанье поэта скрасит ей эти дни. Кстати, должен сказать тебе, что твое поведение по отношению к Эвелине мне тоже не нравится. Почему ты всегда говоришь с ней таким холодным тоном? Ты умышленно не называешь ее иначе как «сударыня», точно малознакомую даму! Для чего ты это делаешь?

– Как же прикажешь называть ее? Не тетей, надеюсь? – насмешливо спросил Генрих.

– А почему бы и не так? Она, конечно, моложе тебя на три года, но это ничего не значит. Эвелина – вдова твоего дяди и в недалеком будущем станет твоей тещей.

– Моей тещей! – воскликнул Генрих с таким гневом, точно неожиданно получил пощечину.

Тайный советник испуганно попятился назад и сокрушенно покачал головой; он сомневался, в полном ли разуме его сын.

– Да ведь это уже давно решено, – проговорил он, наконец. – Ты был согласен жениться на своей кузине, для этого мы и приехали сюда... Что с тобой?

Генрих вдруг громко, но принужденно расхохотался.

– Ничего! Меня только смешит заблуждение твое и госпожи Рефельд. Вы думаете, что такой ребенок как Кетти может на меня повлиять и исправить. Она-то уж никоим образом не может руководить мной. Одним словом, папа, я раздумал и не хочу жениться. Моя свобода для меня дороже всего!

Этот беспечный ответ вывел Кронек из себя. Он снова начал читать сыну длиннейшую нотацию, пересыпанную упреками и угрозами; но она никак не подействовала на Генриха, который продолжал стоять у окна и отбивал пальцами по стеклу какой-то марш.

– Что с вами, ваше превосходительство? Отчего вы так сердитесь? – вдруг раздался ласковый, мелодичный голос, и в дверях показалась красивая голова Гвидо Гельмара. – Чем так провинился мой бедный Генри, что вы низвергаете громы, подобно Юпитеру! Я очень прошу смилостивиться над моим другом.

– Благодарю тебя за вмешательство, но не нуждаюсь в нем, – холодно ответил Генрих. – Мы с отцом как-нибудь сведем свои счета без твоего посредничества.

Однако слова поэта произвели, по-видимому, некоторое впечатление на тайного советника, так как он сразу успокоился и сильно понизил тон.

– Я снова вынужден был сделать выговор своему сыну, – обратился он почтительным тоном к Гельмару, – ведь вы знаете его легкомыслие, Гвидо? Он остается неисправим.

– Поэтому меня хотят отдать в исправительное заведение, именуемое супружеством, – насмешливо заметил Генрих. – Из этого ничего не выйдет, папа, уверяю тебя. Я чувствую себя недостойным быть мужем Кетти и потому руками и ногами отталкиваю твоё предложение.

Старик снова хотел разразиться негодованием, но Гвидо успокаивающим жестом положил ему руку на плечо и, обратившись к другу, наставительным тоном проговорил:

– Ты совершенно неправ, Генри, и я вполне разделяю мнение твоего отца. Ты никогда не мог бы сделать лучший выбор, чем тот, который тебе предлагает генерал. Кетти Рефельд – прелестное существо и, кроме того, очень богатая невеста. Она, кажется, унаследовала половину отцовского состояния?

– Нет, не половину, но значительную часть, – ответил Кронек, – это тоже порядочная сумма. Главная наследница моего покойного двоюродного брата – его жена. Вероятно, в знак благодарности за то, что она с таким самопожертвованием ухаживала за ним, муж Эвелины большую часть своего состояния оставил ей.

– Госпожа Рефельд имеет право распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению? – снова спросил поэт.

– А тебя очень интересует этот вопрос? – резко проговорил Генрих.

– Конечно, – непринужденно ответил Гельмар. – Меня интересует все, что касается тебя, а от этого вопроса зависит твоё будущее!

– Да, Эвелина может распоряжаться своими деньгами как ей угодно, – проговорил тайный советник, – в духовном завещании так это и сказано. Конечно, для бедняжки это имеет мало значения, так как дни ее сочтены. Катенька будет единственной наследницей всего. Видит Бог, что я не желал бы для Генриха этого богатства, если бы его ценой можно было купить жизнь бедной Эвелине. Кто мог подумать, что такую молодую женщину настигнет эта ужасная болезнь! В последнее время она развивается у Эвелины чрезвычайно быстро. Я испугался, когда увидел свою кузину. Может быть, можно было бы приостановить быстрый ход болезни – на это я и рассчитывал, когда пошел приглашать доктора Эбергарда, но спасти бедную женщину невозможно, на это нет ни малейшей надежды.

Красивые темные глаза Гельмара омрачились глубокой печалью.

– Трагическая судьба! – проникновенным голосом произнес он. – Как бесконечно трогателен вид этого прелестного цветка, находящегося у края могилы и поднимающего головку, чтобы увянуть под горячим солнечным лучом!

Кронек с благоговением внимал словам поэта. Выражение «Прелестный цветок, находящийся у края могилы», казалось ему верхом поэтичности. К сожалению, для его сына не было ничего святого в мире.

– Милый Гвидо, – насмешливо проговорил Генрих, – твои поэтические образы очень красивы, но в них мало смысла. Как это цветок «вянет на солнце»? Я этого не понимаю. Обычно цветы на солнце распускаются, а не увядают.

– Какая бессердечность, – с негодованием воскликнул Гельмар. – Госпожа Рефельд права – ты во всем находишь предмет для издевательства. Я думаю, что ты в состоянии смеяться даже при виде умирающего.

– Возможно. Но я не в состоянии при виде умирающего считать его деньги! – резко и многозначительно ответил Генрих.

У Гвидо, по-видимому, не было желания ссориться со своим другом. Он только пожал плечами и обратился к тайному советнику:

– Уйдемте отсюда, генерал, с Генри сегодня нельзя договориться, он в дурном настроении, и я в таких случаях избегаю с ним беседы.

Он дружески взял под руку старика и вывел его из комнаты.

– Как вы всегда рассудительны и благоразумны, Гвидо, – проговорил тайный советник, спускаясь с поэтом по лестнице. – Как бы я был счастлив, если бы мой сын был похож на вас! Я часто ставлю вас ему в пример, но все напрасно. Для него непонятна такая идеальная натура как ваша. Я иногда удивляюсь вашему терпению с Генрихом.

– Это не так страшно, генерал, – снисходительно смеясь, ответил Гельмар. – Конечно, у Генри есть недостатки и даже очень крупные, но что из этого? Между друзьями это в счет не идет. Я люблю вашего сына со всеми его слабостями.

Отец благодарными глазами смотрел на поэта.

2

На следующий день погода совершенно изменилась. Вся местность, утопавшая вчера в тумане, была теперь буквально залита солнечным сиянием. Величественные горы гордо вышались во всей своей красоте.

Имение Рефельдов широко раскинулось вдоль горной равнины, дорожки парка постепенно поднимались вверх, где начинался лес, а за лесом, извиваясь спиралью, шли горные тропинки, по которым можно было взобраться на вершины гор.

По одной из таких тропинок спускался Генрих Кронек после своего путешествия в горы. День был очень жаркий; казалось, солнце хотело вознаградить землю за свое долгое отсутствие; несмотря на то, что был уже вечер, воздух был таким душным, как в самый разгар лета.

Молодой человек спускался не один. Рядом с ним шла девушка в живописном местном костюме. Маленькая шапочка с золотыми шнурками ухарски сидела на белокурой головке, бросая легкую тень на смеющееся лицо с румяными щечками и светло-голубыми глазами. Пестрый шелковый платок покрывал шею и плечи девушки, а бархатная безрукавка, отделанная позументом, стягивала стройную талию. На ее правой руке висела большая корзина. По видимому, девушка была очень довольна своим спутником, по крайней мере, она громко смеялась в ответ на его шутки и весело болтала на местном наречии.

– Ах, ты все-таки заметила, что я теперь реже посещаю гостиницу? Может быть, ты даже скучала в мое отсутствие? Сознайся, Гундель! – сказал Генрих, спускаясь вниз.

Девушка капризно надула губки, а затем ответила:

– И не думала скучать! Кто не хочет бывать у нас, пусть сидит дома. У меня и так много знакомых.

– Я этому охотно верю. Всем известно, какая красивая дочь у хозяина нижней гостиницы! Я думаю, там скоро сыграют и свадьбу. Всякий из деревенских парней с радостью пойдет с тобой под венец, выбирай любого.

– Может быть, найдутся охотники и из городских господ! – колко заметила Гундель.

– Вот как? Значит, кто-то из городских жителей уже предложил тебе руку и сердце? Можно узнать имя этого счастливица?

– Конечно, его имя не Генрих Кронек! – смеясь, ответила Гундель. – Господин Кронек предпочитает сидеть у старого Амвросия и смотреть на горы. Я думаю, он даже позабыл дорогу в нижнюю гостиницу.

– А ты думаешь, что мне следовало бы любоваться красивой Гундель, а не безмолвными горами? В сущности, ты права, но я чувствую слабость к старому Амвросию. Надеюсь, ты меня не ревнуешь к нему?

Молодая девушка как будто не слышала последнего вопроса. Ее лицо вдруг сделалось серьезным, и она робко пробормотала:

– Говорят, что вы скоро собираетесь подняться вместе с Амвросием на Снежную вершину; это правда?

– Да, как только улучшится погода.

– Ну, на вашем месте я этого не делала бы!

– Почему? Разве ты имеешь что-нибудь против Амвросия?

– Нет, но я ему не доверяю!

– Старика Амвросию? Да он ведь считается лучшим проводником во всей округе!

– Возможно, однако, мне делается как-то жутко в его присутствии. Я не хотела бы встретиться с ним, если бы он был за что-либо зол на меня.

– Я бы тоже не хотел, – смеясь, заметил Генрих, – по крайней мере, я в таком случае был бы очень осторожен. Но тебе нечего беспокоиться обо мне, мы с Амвросием – большие приятели, и для меня не может быть лучшего проводника, чем он.

Гундель смотрела вниз и смущенно перебирала свободной рукой складки своего передника.

– Может быть, и так, – наконец пробормотала она, – но у меня не выходит из головы то, что о нем сказал мой отец. Он знает Амвросия давно, со времен своей молодости, когда он тоже был горным проводником. Об Амвросии и тогда все говорили как о самом лучшем и ловком проводнике, но однажды он отправился в горы с одним путешественником. Дорогой их застигла буря, они не могли идти дальше, заблудились, и Амвросий вернулся в сторожку один, а путешественник погиб в снегах.

– Это очень печально, но проводник не виноват в том, что случается несчастье.

– Несчастья не произошло бы, говорит мой отец, если бы Амвросий не растерялся от страха за свою жизнь. Они оба могли бы спастись, погода вовсе не была такой плохой. Со стороны проводника было непростительным оставить путешественника без всякой помощи.

– Гундель, мне кажется, твой отец ошибается, – возразил Генрих. – Проводник Амвросий никогда не оставил бы человека в беде. Он пришел бы к нему на помощь, так как не боится опасности. У меня есть доказательства его храбрости.

– А тогда он боялся, – настаивала девушка, – он преспокойно сидел в сторожке, в то время когда несчастный путешественник погибал. Тогда все были возмущены поступком Амвросия, все отворачивались от него, и ему на время пришлось отказаться от сопровождения путешественников в горы.

– Тем более он не мог поступить так, как ты говоришь. Вероятно, дело было иначе. Никто не может требовать, чтобы проводник, которому платят деньги, рисковал своей жизнью ради постороннего человека; но, как правило, это у них – вопрос чести, и почти никогда не бывает, чтобы проводник спасся, а путешественник погиб. В особенности это непохоже на Амвросия; нет, нет, я не верю, чтобы он мог бросить на произвол судьбы доверившегося ему человека!

– Ну, если вы знаете его лучше, чем мой отец, тогда я с вами спорить не стану, – несколько обиженно возразила Гундель. – Во всяком случае, не подымайтесь с Амвросием на Снежную вершину, иначе может опять произойти несчастье.

– А что тебе до того, если со мной произойдет что-нибудь? – шутливо проговорил Генрих. – Разве ты пожалеешь обо мне? Собственно, мне следовало бы отправиться в опасное путешествие, чтобы посмотреть, будешь ли ты беспокоиться обо мне. Что ты мне дашь, если я принесу тебе букет эдельвейсов, который соберу на Снежной вершине?

Между девушкой и молодым человеком снова начался разговор в легком, шутливом тоне, который, по-видимому, доставлял Гундель большое удовольствие.

Незаметно молодая парочка дошла до последнего спуска, где оканчивался лес и начинались дорожки парка, окружавшего виллу Рефельдов. Гундель громко и весело смеялась, Генрих охотно вторил ей; но вдруг молодая девушка заметила, что он вздрогнул и сделал такое движение, точно хотел вернуться обратно. Посмотрев в ту сторону, куда был направлен взгляд ее спутника, Гундель увидела владелицу виллы, сидевшую у подножья скалы под пледом.

Эвелина почти никогда не поднималась в горы, так как это было ей не по силам, но на этот раз совершила довольно далекую прогулку, по-видимому, даже без посторонней помощи, по крайней мере, возле нее никого не было.

При царившей вокруг тишине молодая женщина, вероятно, уже издали слышала веселый, громкий разговор своего родственника с дочерью трактирщика и отнеслась к нему неодобрительно; в ее лице появилось выражение строгой холодности, вообще несвойственное ей.

Генрих невольно остановился, но быстро овладел собой и, почтительно поклонившись, подошел к Эвелине.

– Каким образом вы здесь? – спросил он. – И, кажется, в совершенном одиночестве.

В ответ на поклон Генриха Эвелина слегка наклонила голову и молча перевела свой взгляд с его лица на лицо молодой девушки, которая сделала реверанс «барыне» и почтительно произнесла:

– Добрый вечер, сударыня!

Эвелина знала красивую дочь трактирщика; она ласково кивнула ей головой и с приветливой улыбкой, с которой обращалась ко всем, тихо ответила:

– Добрый вечер, дитя мое! Не стесняйтесь моего присутствия, Генрих, и продолжайте свою оживленную беседу с Гундель. Вы, конечно, хотели проводить ее домой?

Легкая краска залила лицо молодого человека. Он понял скрытую насмешку, которая для Гундель осталась незамеченной. Внешне спокойно, но, подчеркивая слова, он тихо возразил молодой женщине:

– Вы ошибаетесь, сударыня; я встретился с Гундель случайно, и теперь наши дороги расходятся в разные стороны. До свиданья, Гундель; поклонись от меня своему отцу!

Молодая девушка и не подозревала, как неприятно было Генриху в эту минуту ее присутствие. Она, действительно, встретилась с ним случайно и нашла в порядке вещей, что он не провожает ее дальше, так как тут начинался его дом, а ей нужно было спуститься еще ниже. Она дружески кивнула головой своему спутнику и весело ответила:

– Непременно поклонюсь, а вы приходите к нам скорее, господин Кронек... Спокойной ночи, сударыня!

Эвелина взглядом следила за молодой девушкой, которая оглянулась, кивнула головой еще раз и быстро спустилась вниз.

Несколько минут наверху царил молчание; наконец Генрих нарушил его.

– Не повредит ли вам вечерний воздух? – проговорил он. – Солнце уже зашло.

– Сегодня совсем летний день, и, кроме того, я взяла с собой теплый платок, – ответила Эвелина. – Вы, кажется, очень дружны с Гундель. Ваш приятель Гельмар говорил мне, что вы частый гость в их трактире.

– Не более частый, чем сам Гвидо; он, во всяком случае, бывает там чаще меня.

– Да, я знаю, он изучает крестьянский быт для своих литературных работ; но он признался мне, что эта так восхваляемая жизнь простого люда противна ему в высшей степени. Я его вполне понимаю. Деликатная, тонкая натура поэта должна возмущаться той грубостью, которая царит в низших слоях общества.

– Да, да, таково мнение Гвидо Гельмара. Но я не разделяю его взгляда. Я редко встречал грубость среди народа. Крестьяне, конечно, не так воспитаны, как мы, но у них здоровое, разумное понимание жизни, и мы многому могли бы у них поучиться.

– Вы прекрасно научились, как нужно говорить с деревенскими красавицами, – резко заметила Эвелина. – Я слышала вашу беседу с Гундель и не могу сказать, чтобы она привела меня в восторг. Впрочем, вкусы различны.

– Я, конечно, не могу вести с Гундель салонный разговор, и если вообще желаю беседовать с ней, то должен прибегать к тому способу выражения, к которому она привыкла, – возразил Генрих, снимая шляпу и проводя рукой по своим волосам.

Эвелина, следя взглядом за движением его руки, спросила:

– А вы уже не носите больше повязки? Разве ваша рана уже зажила?

– О, это был такой пустяк, о котором не стоит и говорить! Маленькая царапина, которая, однако, мешала мне писать, но благодаря ней я получил отпуск и мог сопровождать отца в его путешествии к вам. Если бы не больная рука, я вряд ли освободился бы от своих цепей!

– Цепей? – удивленно переспросила Эвелина – Неужели вы под этим словом подразумеваете свою службу? Многие были бы счастливы, если бы могли в ваши годы занимать такое

место в министерстве. Всякий позавидует вам. Далеко не у каждого есть такой отец, который может обеспечить своему сыну блестящую карьеру!

Эвелина снова говорила со своим родственником ненавистным для него наставническим тоном; Генрих всегда с трудом переносил его, на этот же раз он совершенно вывел молодого человека из себя.

– Вы верите, что я сделаю блестящую карьеру! – насмешливо спросил он. – А я в этом совершенно не уверен. Мой отец ежедневно повторяет мне, что из меня ровно ничего не выйдет, и я вполне согласен с ним. Я непригоден к бессмысленной канцелярской работе.

– Если вы серьезную, ответственную работу находите бессмысленной, то далеко не пойдете! – холодно заметила Эвелина.

– Серьезная, ответственная! – смеясь, повторил Генрих. – Мы, маленькие молодые чиновники, находимся очень далеко от серьезной работы; последняя сосредоточена в руках власть имущих, нам же приходится ограничиваться очень скромной ролью. Мы – простые писцы, пригвожденные к своим письменным столам. Это такая скука, что ее не выразишь словами. Вы не можете себе представить, как утомляет и убивает душу эта однообразная механическая работа, повторяющаяся изо дня в день все в том же педантичном порядке. Сиди и пиши, что прикажут, не смея ни в чем проявить собственную инициативу. Меня так и тянет оттуда на свежий воздух.

– Тогда вы обычно садитесь на лошадь и скачете без оглядки, пока не случится несчастье. Ведь ваша рана – результат такой скачки, по крайней мере, все так думают!

– А вы подозреваете что-то другое? – живо спросил Генрих.

– Да. Я слышала, что месяц тому назад Генрих Кронек дрался на дуэли, причем был ранен.

– От кого вы это слышали?

Эвелина на вопрос не ответила.

– Впрочем, незачем и спрашивать, – продолжал Генрих. – Только Гвидо Гельмар мог сообщить вам это.

– Значит, и он знает о вашей дуэли?

– Конечно, знает, так как был моим секундантом. Я никак не ожидал, что он будет болтать об этом. В следующий раз я поостерегусь посвящать его в дела чести.

– В следующий раз! – с ужасом воскликнула молодая женщина. – «Дела чести», как вы называете дуэль, по-видимому, для вас привычное явление? Я тоже никак не ожидала, что вы так любите драться! Я всегда знала, что вы очень легкомысленно относитесь ко всему на свете, но не думала, что вам ничего не стоит играть как своей, так и чужой жизнью. Я вижу, что вам не нравятся мои слова, но должна раз и навсегда объясниться с вами. Ввиду известных вам обстоятельств я не могу не высказаться откровенно, так как дело касается будущего особы, которая для меня дороже всего на свете. В последнее время я узнала о вас такие вещи, которые рисуют вас с не особенно привлекательной стороны.

Эвелина замолчала в ожидании того, что скажет Генрих.

– А можно узнать, кто меня так аттестовал? – спокойно спросил молодой человек. – Конечно, Гвидо?

На лице Рефельд появился легкий румянец.

– Почему вы думаете, что господин Гельмар... – смущенно пробормотала она.

– Больше никому!

– Но если бы и так, то можете ли вы доказать, что ваш друг говорит неправду?

– Может быть, он и не выдумывает фактов, но умышленно придает им неправильное освещение. Больше я вам ничего не скажу, так как ненавижу сплетни и доносы.

– Вы заблуждаетесь, если считаете Гельмара способным на низкий поступок, – вступилась Эвелина за честь поэта. – Он просто проговорился, не желая причинить вам зла. Наоборот,

он всеми силами старался оправдать каждый ваш поступок. О, у этого человека благородная душа, недаром он пишет такие прекрасные стихи!

– А что бы вы сделали, если бы я привел вам пример того, что Гвидо Гельмар – далеко не такая чистая, идеальная личность, как вы думаете?

– Я бы не поверила вам и ответила бы, что у всех великих людей есть враги и завистники!

Генрих слегка вздрогнул от оскорбительных слов молодой женщины, но быстро овладел собой.

– Совершенно правильный приговор! – с холодной насмешкой заметил он. – Однако мы несколько уклонились в сторону. Униженно жду дальнейшей обвинительной речи.

Тон молодого человека явно оскорбил Эвелину. Она поднялась со своего места и, с трудом подавляя гнев, ответила:

– Я не собираюсь читать вам обвинительную речь, да она бы была и бесполезной. Я хотела только сказать вам, что при личном знакомстве с вами изменила о вас то мнение, которое имела раньше. Желание моего покойного мужа для меня священо, но я не должна забывать, что мне поручено также, заботиться о счастье его дочери, что я ответственна за ее судьбу. Я боюсь связать ее жизнь с вашей, так как не уверена, что вы можете быть для нее серьезным другом и защитником.

– В таком случае вам нужно поспешить развязать узел, пока он не затянулся. Я подчиняюсь вашей воле.

Эвелина с удивлением смотрела на своего молодого родственника. Она ожидала, что Генрих начнет извиняться, просить прощения, даст обещание исправиться, а между тем он легко отказывался от невесты и от того блестящего материального положения, которое дал бы ему брак с Кетти.

– Я думала, что вы любите свою двоюродную сестру, – тихо проговорила она. – Неужели вам так легко отказаться от нее?

– Так как я вижу, что вы желаете этого отказа, то я готов...

– Добрый вечер! – вдруг прервал слова Генриха грубый мужской голос.

Молодой человек обернулся, а Эвелина, слегка вздрогнув от неожиданности, удивленно посмотрела на появившегося снизу человека.

Это был старик в костюме местных горцев. Несмотря на почтенный возраст, он держался прямо, как бы не чувствуя тяжести прожитых лет; его волосы были уже совершенно седые, но отличались густотой и блеском. В его загорелом, обветренном лице выражалась энергия и железная, несокрушимая воля. Из-под седых бровей сверкали совсем молодые, живые глаза. Платье было довольно поношено, но все же он не производил впечатления нуждающегося человека. В руках он держал альпийскую палку. Вид у старика был смелый, слегка вызывающий, будто он хотел сказать своим лицом и фигурой, что может поспорить в силе и выносливости с любым юношей.

– Ах, это вы, Амвросий! – воскликнул Генрих. – Вы, вероятно, приходили ко мне на виллу?

– Да, – ответил старик, почтительно кланяясь даме. – Я хотел сказать вам, что завтра невозможно подняться на Снежную вершину, дороги еще непроходимы.

– Я и сам так думал. Постоянные дожди совершенно размыли тропинки.

– Это и есть Амвросий, – обратился Генрих к Эвелине, – тот самый проводник, о котором я рассказывал вам. Он знает все сказки, преданья и поверья края. Благодаря ему я познакомился со злым горным духом и добрыми альпийскими феями. К сожалению, я знаю их только по рассказам Амвросия, а сам еще ни разу не встречал.

– Молодой барин смеется, а я ему рассказывал сухую правду; он сам когда-нибудь убедится, что мои слова – не выдумка, – сказал старик Эвелине.

– А вам приходилось видеть духов? – спросила молодая женщина, заинтересованная оригинальным стариком.

– Нет, я не видел, но их и нельзя видеть, их можно только чувствовать! Не всякому это дано. Господин Кронек со временем тоже узнает их! Когда-нибудь это будет! У кого такие глаза, как у молодого барина, мимо того ничто не пройдет незамеченным и неиспытанным! Он понимает то, чего другие даже и не подозревают. Я это подумал сразу, в первый же день, когда познакомился с ним.

– Вот видите, нашелся человек, который и меня оценил, – иронически заметил Генрих, обращаясь к госпоже Рефельд. – Я, значит, не совсем полное ничтожество, как охарактеризовали меня некоторые добрые души. Я в большом фаворе¹ у Амвросия, а это много значит, так как он довольно строг и требователен к окружающим его людям.

Эвелина с изумлением заметила, что грубый голос старика принимал своеобразный мягкий оттенок, когда он говорил о Генрихе, и его острые, серые глаза с некоторой лаской покоились на лице молодого человека. По-видимому, Генрих, действительно, одержал победу.

– А вы живете в полном одиночестве? – спросила Эвелина. – Ваш дом, кажется, стоит очень уединенно на пути к Снежной вершине?

– Да, с тех пор, как умерла моя жена, я совершенно одинок. За моим хозяйством смотрит пожилая прислуга, а для ухода за скотом я держу мальчика. Больше никого нет. Мой дом находится очень высоко, вдали от всякого жилья; это наивысшая точка в наших горах, но мне не скучно. Я всегда нахожу себе занятие.

– Да, летом ничего, а зимой, должно быть, неприятно, – возразила Эвелина, – в особенности в метель и вьюгу. Вы, вероятно, чувствуете себя заживо погребенным, отрезанным от всего мира? В прошлом году целая гора обрушилась во время сильной бури. А разве вам никогда не грозила такая же опасность? Ужасно подумать, что можно погибнуть среди снега и льда, вдали от людей, без всякой помощи.

Молодая женщина вдруг остановилась и невольно попятилась назад.

Амвросий стоял неподвижно, на его лице не дрогнул ни один мускул, но глаза так грозно, с такой злобой были устремлены на говорившую, что она не в состоянии была продолжать свою речь.

– Мы ведь все должны когда-нибудь умереть, – неприятным тоном ответил старик. – Не все ли равно, отчего произойдет смерть, погибнете ли вы в горах или скончаетесь от какой-нибудь болезни? Конец все равно один. Итак, господин Кронек, завтра мы никак не можем подняться в горы. Нужно подождать два-три дня, если погода простоят такая же, как сейчас.

– А вы хорошо знаете дорогу? – спросил Генрих, вспомнив рассказ Гундель. – Она должна быть очень трудной после дождей и для неопытного горца, такого, как я, вероятно, представляет большую опасность.

Амвросий так сердито стукнул своей палкой, что конец ее глубоко вонзился в землю.

– Ах, так и вы боитесь? – с громким, злым смехом воскликнул он. – В таком случае, конечно, будет благоразумнее оставить Снежную вершину в покое. Я думал, что вы не похожи на тех городских господчиков, которые храбро лезут наверх, когда дорога гладка, как полотно, и при малейшем препятствии бегут обратно. По мне, как хотите, я ведь вам не навязываюсь в проводники... Прощайте!

С этими словами старик повернулся и пошел дальше.

– Прощайте, Амвросий, и в другой раз не будьте так суровы! – смеясь, крикнул ему вслед Генрих.

– Какой странный человек! – с каким-то непонятным беспокойством проговорила Эвелина. – Я не понимаю, какое удовольствие вы можете находить в его обществе? Разве вы не

¹ Фавор – благосклонность, расположение.

заметили, каким взглядом он смерил меня, когда я заговорила о жизни в горах? Ведь я не сказала ему ничего обидного. Что с ним?

– Ничего особенного! Минутное настроение, которое у него постоянно меняется. С этим уж приходится считаться, раз желаешь иметь дело с таким оригиналом. Вообще, Амвросий не отличается любезностью; скалы, среди которых он вырос, не тверже его характера; он так же мало чувствителен, как и они. Должен сознаться, что многое в этом старике кажется мне непонятным и загадочным, и иногда я испытываю в его присутствии жуткое чувство. Но меня всегда больше интересуют исключительные личности, чем обыкновенные, такие, над которыми я должен задуматься, для того чтобы определить их, узнать, что скрывается в глубине их души.

По-видимому, Эвелина не разделяла интереса Генриха к загадочным людям, но она ничего не ответила, и между родственниками воцарилось полное молчание. Оба чувствовали, что прерванный приходом Амвросия разговор должен непременно возобновиться, но не знали, с чего начать. Генрих поднял свою шляпу, которую небрежно бросил на большой камень, и стал тщательно укреплять на ней небольшой букет альпийских цветов, набранных во время прогулки, а Эвелина стояла в пол-оборота к нему и смотрела на расстилавшийся перед ней ландшафт. Вилла с окружающим ее парком лежала внизу, и с того места, на котором стояли теперь Рефельд и Кронек, совершенно не была видна. Перед ними расстилался лес, и блестела вода маленького озера, в котором слегка отражался пурпур далекого заката. Легкие облака, покрывавшие небо, вдруг расступались и открывали темную синеву, на которой слабо вырисовалась бледная луна.

Весна запоздала своим приходом. Несмотря на то, что был уже конец мая, деревья были еще покрыты той легкой, нежной зеленью, которая кажется почти прозрачной. На некоторых кустарниках еще не успели открыться почки, но жимолость уже была в цвету, и ее бело-розовые цветы наполняли воздух благоуханием.

Генрих все еще был занят своим букетом, но его взгляд устремился на молодую женщину и не мог оторваться от ее лица. Эвелина устало прислонилась к стволу дикой яблони и казалась поглощенной в созерцание окружавшей ее природы. На ее голову был наброшен легкий белый шарф, из-под которого выбивались черные локоны, обрамлявшие бледное лицо; оно было еще более бледным и прозрачным, чем обычно. Тонкий, благородный профиль резко выделялся во всей своей правильной красоте, а большие темные глаза с выражением мечтательной грусти были устремлены вдаль. Яблоня, под которой стояла молодая женщина, вся была усыпана цветами. Им предстояло так же мало жить, как и тому прекрасному существу, над которым тихо склонялись ее душистые ветви.

Эвелина, вероятно, почувствовала пристальный взгляд своего родственника; она быстро обернулась и увидела красивый букет, прикрепленный к шляпе Генриха. Один из цветков обратил на себя ее внимание.

– Какой странный цветок! – воскликнула она, – я еще ни разу не видела такого.

– Я тоже впервые встречаю этот вид растения, хотя хорошо знаю всю альпийскую флору. Вы мне позволите предложить вам добычу моего сегодняшнего странствования? Это очень ценная вещь, так как я из-за нее чуть не поплатился жизнью.

С этими словами Генрих выдернул из букета ветку, всю усыпанную цветами, и протянул ее молодой женщине. Это было, действительно, редкое и необыкновенно красивое растение. На стройном стебле помещалось несколько цветов чудного синего цвета; чашечка была блестящей, ярко-пурпурной, а в ее глубине сверкал тонкий, как паутина, золотистый венчик. Необыкновенно тонкий аромат этого растения не напоминал собой запаха никаких других цветов.

Эвелина несколько секунд колебалась, но в тоне молодого человека была такая мольба, что она невольно протянула руку за цветком.

– Чуть не поплатились жизнью? – повторила она. – Разве так трудно было достать этот цветок?

– Да. Он рос почти на отвесной скале, на самом ее краю, над горным водопадом. Мне пришлось карабкаться, как серне, по отвесной скале, цепляясь за нее руками и ногами. Если бы я протянул руки к цветку, то неизбежно полетел бы в воду. Наконец я наткнулся на низенькую елочку, которая явилась для меня точкой опоры. Я стал на нее, уцепился за ветки левой рукой, а правую протянул вверх и оторвал от скалы эту альпийскую фею!

– Вы рисковали своей жизнью только из-за цветка? Господи, как вы мало цените свою жизнь!

– Я всегда готов рисковать жизнью для достижения цели, какова бы она ни была! – ответил Генрих. – Такого рода риск только придает цену жизни. Когда находишься на волосок от смерти, только тогда познаешь настоящую цену своего существования. Я пережил все-таки прекрасный момент, когда висел над бездной. Вокруг меня возвышались могучие великаны-горы, а над ними расстилалась бесконечная синяя даль, пронизанная солнечным сиянием. Внизу чернели верхушки сосен. Момент головокружения, страха, и я погиб бы! Белая пена кипящего водопада брызгами освежала мое разгоряченное лицо, шум воды казался мне волшебной музыкой, а на краю скалы меня манила, равномерно качая душистой головкой, недоступная альпийская фея, принявшая вид никогда раньше не встречавшегося мне прекрасного цветка. Мне кажется, если бы горы сдвинулись с места и рухнули на меня, я и тогда не выпустил бы из рук своей добычи.

Генрих говорил с необычным оживлением и так образно, что молодая женщина как бы воочию видела эту картину. Большие темные глаза Эвелины с удивлением смотрели на взволнованного родственника; ей казалось, что она видит перед собой не Генриха, а кого-то другого.

– Я ни разу не слышала, чтобы вы говорили с таким жаром, Генрих. Вы вложили столько поэзии в свой рассказ, что я начинаю подозревать, не пишете ли вы стихов?

Легкая краска покрыла щеки молодого человека, точно его поймали в каком-нибудь постыдном поступке.

– О нет, стихи – это царство Гвидо Гельмара, и я никогда не отважился бы вторгнуться туда, – насмешливым тоном ответил он. – Да если бы и решился на такой смелый шаг, то бедного стихоплета осмеяли бы строгие критики. В вас я тоже нашел бы неумолимого судью; вы распекли бы меня, как неблагонаправленного школьника. Вы и без того только что вынесли мне суровый приговор.

– Я с вами говорила как мать! – серьезно заметила Эвелина.

– Как мать! – повторил Генрих, и на его губах заиграла ироническая улыбка.

– Конечно, как мать! Хотя по своему возрасту я могу скорей быть старшей сестрой Кетти, чем матерью, но она для меня дороже сестры, и, кроме того, я имею на Кетти материнские права. Разумеется, ее будущее беспокоит меня.

– Я надеюсь избавить вас от этого беспокойства. Я хотел...

– Произнести то слово, о котором пожалели бы потом, прервала его Эвелина. – Я оказала бы плохую услугу вам и моей бедной Кетти, если бы воспользовалась тем, что вы сказали в минуту плохого настроения. Кетти любит вас всем своим юным сердечком. А вы? Любите ли вы ее? Если вы серьезно отказываетесь от нее, то, конечно, всякие дальнейшие разговоры будут излишни. Между нами все будет кончено.

Генрих молчал. Вчера он с искренним жаром протестовал против женитьбы, что же заставляло его теперь молчать? Достаточно было бы сказать ему лишь одно слово, и он мог бы располагать своей свободой. Отчего его испугало напоминание Эвелины, что в случае его отказа между ними все будет кончено? Ведь это было понятно само собой. Не могли же они оставаться здесь, когда цель их поездки исчезла. Тем не менее, Генриху было очень трудно дать решительный ответ.

– Я думал, что вы не желаете этого брака! – нерешительно проговорил он.

– Значит, вы не поняли меня, – возразила Эвелина. – Я хотела только предостеречь вас от слишком легкого взгляда на жизнь и познакомиться с вашим образом мыслей, надеюсь, вы признаете за мной право знать, с кем моя Кетти со временем соединит свою судьбу. Она еще так молода, что пока я не хочу связывать ее даже помолвкой. Я поспешила выяснить это дело, не дожидаясь будущей весны, так как, по всей вероятности, меня уже не будет на свете в то время.

– Это – чисто болезненная фантазия, – почти сердясь, возразил Генрих. – Вы почему-то вообразили себе, что ваша болезнь неизлечима, и этими мыслями только ухудшаете свое состояние.

Молодая женщина грустно покачала головой.

– Все окружающие стараются обмануть меня на этот счет, – тихо проговорила она, – я это знаю, и долго верила, что болезнь моя пройдет. Но нужно же, наконец, посмотреть правде в глаза! Сегодня я хотела испытать свои силы и потому пришла сюда одна. Моя прогулка была короткой, и подъем совершенно незаметен, тем не менее, я еле доплелась, чуть не падая в обморок от усталости.

– Все это верно, вы очень слабы, но кто же сказал вам, что состояние вашего здоровья безнадежно? Доктора...

– Пожимают плечами и утешают меня тем, что летом я поправлюсь, – перебила Эвелина своего родственника. – Но я не придаю никакого значения их словам, так как вижу по их лицам, что дни мои сочтены. Нелегко умирать в молодые годы, не испытав счастья, и видеть, как другие пользуются всеми благами жизни. Я долго страдала при мысли о скорой смерти, но, в конце концов, победила неприятное чувство и покорно подчинилась своей судьбе.

Генрих хотел возразить на последние слова молодой женщины, но она остановила его жестом руки.

– Нет, нет, Генрих, не утешайте меня, это совершенно лишнее. Поверьте только умирающей, что жизнь – великое благо, и ею надо дорожить, а не рисковать так легкомысленно, как это делаете вы. Вы молоды, здоровы, жизнерадостны. Жизнь может дать вам много счастья, а между тем под влиянием минутной прихоти вы ставите на карту все. Вы тратите свои силы и энергию на то, чтобы сорвать приглянувшийся вам цветок; вы даже готовы умереть ради этого. Неужели вы не находите ничего более важного в жизни, не находите более серьезных дел для применения своих сил? Я убеждена, что в глубине души вы вовсе не так легкомысленны, как кажетесь из-за своих поступков.

Слова Эвелины, собственно, были повторением той нотации, которую прочел накануне тайный советник Кронек своему сыну, но ее действие было совершенно другим. Молодой человек стоял, опустив голову, и жадно ловил каждый звук этого нежного, слабого голоса. Наконец он ответил:

– Мой отец и многие другие считают меня неисправимым лентяем, человеком, из которого никогда не выйдет ничего путного. Мне это доказывают так давно и убедительно, что я не решался даже сомневаться в правильности их мнения относительно себя. А как вы думаете, стоит ли мне постараться освободиться от своих недостатков, достижимо ли это для меня?

– С нынешнего дня я убеждена, что вам это легче сделать, чем кому бы то ни было! – уверенно произнесла Эвелина.

В тот же момент она почувствовала, как горячие губы прижались к ее руке и не отрывались от нее. В большом смущении она хотела отнять свою руку, но Генрих крепко держал ее в своих руках.

– Я попробую исправиться! – взволнованно воскликнул он, глядя в лицо Эвелины сияющими глазами.

– В таком случае я беру этот цветок как залог вашего обещания, – улыбаясь, сказала молодая женщина. – Кто знает, может быть, вы сегодня рисковали своей жизнью из-за цветка счастья!

– Который находится в ваших руках! – прибавил Генрих с такой страстью, что Эвелина еще больше смутилась и быстрым движением вырвала свою руку.

– Уже начинает смеркаться, – тихо проговорила она. – Пора идти домой.

Генрих молча взял плед и хотел накинуть его на плечи своей спутницы, но она, молча, кивнув головой в знак благодарности, отклонила эту услугу. Все же ей пришлось опереться на руку Генриха, так как из-за слабости не могла двигаться без посторонней помощи. Медленно шли они в этот тихий вечер, весь пропитанный ароматом весны. Молодой человек смотрел на ветку цветов, которую держала в руках прекрасная бледная женщина, с наслаждением вдыхал его нежное благоухание и мысленно повторял:

Под песни метели, под грохот потока
Над бездной клубящихся вод
На скалах угрюмых высоко-высоко
Цветок одинокий цветет.
К нему нет дороги, и лишь вечерами
На гребне угрюмой скалы
Терзают добычу и машут крылами,
И клекчут сердито орлы.
Волшебную силу цветок сохраняет
Тому, кто его оборвет,
Он счастья ключи золотые вручает
И горе в замену берет.
Но скалы чернеют угрюмо и строго.
Но мечется злобный поток...
Лишь смелым над пропастью ляжет дорога,
Лишь им улыбнется цветок-недотрога,
Волшебный, стыдливый цветок.

3

В получасовом расстоянии от виллы Рефельдов, на противоположной стороне долины, находилась скромная с виду дача. Она была построена в швейцарском стиле и окружена небольшим садом. Владелец дачи уже давно сдавал ее посторонним жильцам, а сам проводил лето за границей.

В том году дачу наняли очень рано. В ней поселился старик, о котором говорили как об известном столичном докторе. С ним вместе приехали молодой ассистент и старый слуга. Все трое вели замкнутый образ жизни, тем не менее, вскоре по всему округу распространились слухи о докторе Эбергарде как о чуде и крайне грубом человеке. Это мнение сложилось потому, что, когда местные крестьяне узнали о приезде столичного доктора, многие обратились к нему за медицинской помощью и были приняты так же «любезно», как тайный советник Кронек. А старая экономка, оставленная владельцем дачи для присмотра за домом, всякий раз, когда ей приходилось иметь дело с грубым жильцом, крестилась.

В самой большой комнате на даче доктор устроил себе кабинет и библиотеку. Это был огромный зал с несколькими окнами и широкой кафельной печью. В комнате была расставлена старомодная мебель, что придавало кабинету доктора очень уютный вид. Все свободные места были заняты книгами; ими были заполнены все полки в шкафах и столы.

Однажды старый слуга доктора тщательно перетирал полотенцем разного вида стекла и медицинские инструменты, лежавшие на столе у среднего окна. Было около полудня. Сам доктор находился тут же; он смотрел из окна на расстилавшийся перед ним живописный пейзаж.

Доктору можно было дать по виду лет шестьдесят; он казался очень бодрым и крепким человеком. Его некрасивое лицо поражало своей одухотворенностью, только были неприятны саркастическая улыбка, не покидавшая его тонких губ, да упрямое, деспотическое выражение глаз, показывавшее, что этот человек привык, чтобы все исполняли его волю.

– Мартин, – проговорил он, не поворачивая головы от окна, – как только явится та особа, которая предупредила меня о своем приезде, приведи ее сюда.

– Сюда, в библиотеку? – спросил лакей, переставляя склянки.

– Какие ты глупости спрашиваешь? Конечно, не сюда, а в приемную.

– Я и сам так думаю, что в приемную. Слава Богу, еще никогда ни одна женщина не переступала порога нашей библиотеки. Вообще я не понимаю, что этой женщине нужно от вас! – проворчал Мартин.

– Я подозреваю, в чем дело. Этот дом продается, владелец предупредил меня, – ответил сердитым тоном доктор, – вот покупательница и вздумала явиться сюда, чтобы осмотреть дом. Ее зовут Екатерина Рефельд. Однако эта почтенная особа уйдет с тем же, с чем пришла. Я нанял дачу до будущей весны и до тех пор считаю себя ее владельцем. Перед незваной гостьей дверь захлопнется с таким треском, что она уже больше сюда не пожалует.

– Так и надо! – с широкой улыбкой подтвердил лакей. – Нечего напрасно беспокоить людей... Рефельд! – повторил он. – Эта фамилия мне знакома. Рефельдами называются владельцы большой виллы на той стороне. Это вдова с дочерью.

– Пусть будет хоть бабушка с шестью внучками, мне все равно! – проворчал Эбергард. – Принять ее я все-таки должен. Может быть, она уже даже купила этот дом и хочет перестраивать, но я не позволю взять ни одного камня, пока я здесь. Я так же быстро сплавию эту особу, как и того глупого тайного советника, явившегося ко мне третьего дня и думавшего поразить меня своими чинами и орденами.

– Ну, этот-то больше не придет, – уверенно заметил Мартин, – вы были с ним так грубы... грубее, чем всегда.

По-видимому, старик думал этими словами сделать комплимент своему барину; очевидно, доктор был, действительно, доволен мнением Мартина; он весело кивнул головой и с улыбкой проговорил:

– Да, я умею показать людям, что им нечего совать свой нос туда, куда их не просят. Теперь походи и позови ко мне доктора Жильберта.

Мартин вышел, ворча себе под нос:

– Вот еще что выдумала! Покупать дом, прогонять нас! Пусть только сунется сюда эта баба!

Та особа, которую поджидали со столь «дружелюбными» чувствами, все еще не показывалась, и Эбергард расхаживал из комнаты в комнату в самом дурном расположении духа. В таком состоянии застал его доктор Жильберт. Это был молодой человек двадцати четырех лет от роду, высокий и стройный, с красивыми, несколько женственными чертами лица. Он почтительно поклонился Эбергарду, на что тот ответил еле заметным кивком головы, после чего воскликнул:

– Хорошо, что вы пришли, Жильберт! Мы займемся тем экспериментом, о котором я вам говорил сегодня утром. Вы уже гуляли?

– Нет, еще не успел, – ответил Жильберт. – У меня была работа...

– Вы должны гулять, – сердито прервал Эбергард. – Сиденье за письменным столом совершенно расшатало вам всю нервную систему. Вам необходимы воздух и движение. У вас чрезвычайно жалкий вид.

– Я, действительно, слишком много работал в последнее время. Мой экзамен...

– Который вы сдали блистательно, между прочим, – снова перебил доктор своего ассистента. – А ваша диссертация написана так прекрасно, что обратит на себя всеобщее внимание. Господа коллеги будут злиться, что как раз мой ученик написал такую выдающуюся вещь. Их злость вам не страшна, пусть себе злятся; а вот здоровье вы должны поправить непременно. Оставьте занятия и гуляйте, гуляйте как можно больше. Я требую, чтобы мои предписания строго исполнялись!

Молодой доктор привык к повелительному тону своего учителя; не возражая ему больше ни слова, он подошел к столу, на котором лежали инструменты, и взял один из них в руки.

Эбергард последовал за ним и опустился в кресло.

– Надеюсь, нам не помешают, – с довольным видом проговорил он. – Хотя я и жду визита, но, вероятно, он последует гораздо позже.

– Вы, наверно, ждете окружного врача? – заметил Жильберт. – Он был недавно здесь, но не застал вас дома. Его, очевидно, очень интересуют наши опыты...

– Нет, нет, я жду женщину! – перебил его Эбергард.

– Женщину? – воскликнул ассистент, широко раскрыв глаза от удивления.

– Чему вы обрадовались? – со злостью проворчал старый доктор. – Вы, вероятно, воображаете, что придет молодая дама? Успокойтесь, это бабушка с шестью внуками!

– И все шесть придут сюда? – с ужасом спросил Жильберт, знавший, что Эбергард не переносит детей.

– Нет, придет только одна старуха! – возразил доктор, выдавая свое предположение за действительный факт. – Какая-то Екатерина Рефельд хочет купить этот дом и потому явится осматривать его! Будьте уверены, что я приму ее достойным образом. Ну, а теперь давайте заниматься!

Учитель и ученик так усердно занялись своими опытами, что не слышали стука колес и не видели подъехавшей к калитке сада кареты. Эбергард рассматривал что-то в свой микроскоп, а Жильберт смачивал стеклянные пластинки какой-то жидкостью, как вдруг раздался чей-то смеющийся, звонкий голосок. Так мог смеяться только ребенок или очень молодая девушка.

– Кажется, эта бабушка, которую вы ждете, все-таки привезла одну из своих внучек! – заметил Жильберт.

– Только этого не доставало! – воскликнул Эбергард.

В эту минуту дверь распахнулась, и Мартин торжественно произнес:

– Господин доктор...

Дальше он не мог ничего сказать, так как, слегка отстранив его рукой, в комнату впорхнула легкая фигурка молоденькой девушки, а за ней следовал высокий белокурый господин. Очевидно, пришедшие не знали, что лакей пошел докладывать об их приезде и, увидев открывшуюся дверь, решили, что могут войти...

На молодой девушке был светлый весенний туалет; она непринужденно поклонилась Эбергарду и веселым тоном проговорила:

– Надеюсь, мы вам не помешали, господин доктор; мы предупредили вас письменно о моем приезде; я – Екатерина Рефельд...

Звон разбитого стекла помешал ей окончить свою речь. Пластинка с приготовленным препаратом упала на пол и разбилась на кусочки. Все это натворил Жильберт. Молодой человек стоял, как статуя, и смотрел во все глаза на молодую девушку, точно лучом солнца осветившую мрачную библиотеку. Услышав звук разбитого стекла, Кетти повернула свою белокурую головку, на которой кокетливо сидела шляпа с розовыми бутонами, и, увидев смущение молодого человека, улыбнулась, причем на ее щеках заиграли ямочки, придававшие ей еще большую прелесть. Как ни молода была эта юная дочь Евы, она прекрасно поняла причину неловкости Жильберта; понял ее и доктор Эбергард и рассердился еще больше. Он сделал какое-то движение головой, которое, вероятно, должно было обозначать поклон, и властно проговорил:

– Жильберт, ступайте гулять!

– Как? Сейчас? – смущенно пробормотал молодой человек.

– Сию минуту! Это необходимо для вашего здоровья. Идите и не возвращайтесь раньше чем через час!

Жильберт ничего не мог возразить против этого приказания и послушно направился к двери, но на пороге оглянулся и встретился с лукавым взглядом голубых глаз. Розовое личико молодой девушки слегка подергивалось от старательно сдерживаемого смеха. Он хотел постоять несколько секунд у дверей, но Мартин резко захлопнул их перед самым носом Жильберта.

– Милый Мартин, – ласково обратился Жильберт к старому лакею, – скажите, пожалуйста, кто такие эти господа? Чего желает молодая дама? Зачем она пришла сюда?

Мартин нахмурил лоб, строго посмотрел на ассистента и вместо ответа таинственно проговорил:

– Господин доктор, будьте осторожны!

– Я не понимаю вас, Мартин! Против чего вы меня предостерегаете?

– Против этой женщины! Это не барышня, а оборотень. Она явилась в карете, выпрыгнула из нее, как стрекоза, и подала мне визитную карточку, на которой было написано: «Екатерина Рефельд». Вероятно, у меня было очень удивленное лицо, так как она вдруг начала хохотать. Подумайте, господин доктор, она смеялась надо мной, а ее кавалер, вместо того, чтобы остановить эту особу, сам тоже принялся хохотать. Да вы, вероятно, слышали их безумный смех?

– Я... нет... мы были заняты! – солгал Жильберт, в ушах которого еще до сих пор звучал серебристый голос молодой девушки.

– Ну, теперь-то они не очень посмеются перед старым барином! – злорадно прибавил Мартин. – В нашем доме не привыкли к смеху!

– О да, это верно! – с вздохом подтвердил Жильберт.

Лакей смерил его с ног до головы презрительным взглядом.

– Идите гулять, господин доктор, – решительно заявил он, – и будьте осторожны! Берегитесь этой женщины! Это не барышня, а какая-то нечистая сила!

Исполнив свой долг перед неопытным барином, лакей ушел, а Жильберту больше ничего не оставалось, как, действительно, пойти гулять. Он решил ограничить свою прогулку собственным садом, причем все время прогуливался по одной и той же аллее, чтобы не упустить момента, когда гости будут уходить, и у него будет, таким образом, возможность еще раз увидеть прелестное создание.

Молодому доктору до сих пор приходилось очень мало встречаться с женщинами; он имел дело только со старыми домоправительницами доктора Эбергарда, сменявшимися четыре раза в год, – дольше у капризного старика никто не уживался. При огромных умственных способностях доктор Эбергард отличался невозможным характером и слишком бурным темпераментом, вследствие чего ему трудно было ладить с людьми. У него образовалась прекрасная практика в столице, так как он был очень хорошим диагностом, но он так грубо обращался со своими пациентами, что за короткое время растерял всех больных. Затем он читал лекции в университете, но тоже не мог поладить со своими коллегами, а потому бросил университет и уехал из города. Обладая большими денежными средствами, он мог жить совершенно независимо, занимаясь исключительно наукой. Он написал много книг, пользовавшихся в медицинском мире большой известностью. Все охотно признавали за ним крупный талант и выдающийся ум, но избегали встреч, боясь его строптивного характера. Таким образом, Эбергард жил вдали от света, совершенно замкнуто, отдавая все свое время науке.

Жильберт был сыном бывшего товарища Эбергарда по гимназии и университету. Перед смертью отец Жильберта просил Эбергарда позаботиться о его сыне, который оставался после смерти отца круглым сиротой и без всяких средств к существованию. Эбергард дал слово позаботиться о мальчике, и, действительно, когда товарищ умер, взял его сына к себе в дом. Жильберт как раз окончил в это время гимназию и должен был поступить в университет. Эбергард дал возможность юноше учиться, но им руководило не великодушие, а чисто эгоистическое чувство. У него было такое же несчастье с ассистентами, как и с домоправительницами – никто не мог с ним работать больше двух-трех месяцев, а между тем ему был необходим сведущий в медицине раб, который находился бы в полной зависимости от него. Для этой цели Эбергард и избрал Жильберта. Ему нетрудно было подчинить себе мягкий, податливый характер юноши. Давая ему достаточные средства для образования и жизни, Эбергард старательно отстранял от него всякое общество и руководил каждым его шагом. С другой стороны и Мартин считал себя обязанным следить за молодым барином, так что у Жильберта не было ни одного часа, которым он мог бы располагать самостоятельно.

Когда он окончил университет и получил звание доктора, условия его жизни ничуть не изменились. Эбергард сообщил своему юному коллеге, что отныне тот будет его помощником, и Жильберт, чувствуя себя обязанным Эбергарду, не счел себя вправе ответить отказом на предложение человека, так много для него сделавшего. Мартин почтительно называл молодого барина «господином доктором», но продолжал так же относиться к нему и следить за каждым его шагом, как это делал и раньше. Таким образом, в жизни Жильберта ничто не изменилось; он даже не пытался сбросить с себя цепи, к которым настолько привык, что перестал замечать их неудобства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.